

Беседа с картинами художника

Фазиль Искандер · эссе-диалог / полная RU-машинопись не опубликована; фрагмент в Cat-075 (НУ перевод) · 1983

Фазиль Искандер Беседа с картинами художника

Первое впечатление от картин Рудольфа Хачатряна — портреты выламываются из рам. Мощь, монументальность. Не сразу улавливаешь, что всё это написано карандашом одного цвета. Столько в этом одном цвете переливов и оттенков света.

— Тихо, — как бы внушают портреты зрителю.

— Почему тихо? Что, собственно, случилось?

— Потому что нас художник Хачатрян хочет показать вечности.

— Вы уверены, что именно вечности?

— Конечно, это же ясно и так.

— Почему это ясно?

— Во—первых, наши лица и фигуры выражают всё самое лучшее, что есть в нас. Во—вторых, мы одели на себя свои самые лучшие одежды. Нельзя же предстать перед вечностью в домашнем халате. А на тех из нас, которые особенно понравились художнику, он сам набрасывает прекрасные одежды и так рисует. Потом, конечно, он их отбирает у нас, но мы же позируем для вечности и получается, что он нам эти прекрасные одежды подарил, хотя и не хотел дарить.

— Неужели для вечности так уж важны эти одежды?

— Он так считает. Он считает, что наша душа богаче, чем это кажется, глядя на наши лица, и поэтому в этих прекрасных одеждах мы выглядим правдивее. Честно говоря, мы сами не знаем, в каком виде лучше войти в вечность. Мы же там ещё не были. Но нам кажется, что лучше всё таки туда приходить в прекрасной одежде.

— А почему же этот человек голый лежит под деревом?

— Он изгнанник. У него всё отняли. Вы не подумайте, что по мнению художника у него тело красивей всякой одежды. У нас тоже красивое тело. Мы можем...

— Нет, нет, ради бога! Вы лучше скажите, кто изображён на этом портрете слева?

— Это один его знакомый. А что?

— Он что, тоже для вечности нарисован?

– Да, тут все для вечности нарисованы.

– Но это же тупость. Монументальная тупость! Разве тупость нужна вечности?

– Художник считает, что всё живущее имеет право на вечность.

– Кстати, не слишком ли мы громко говорим? Он может догадаться, что мы говорим о нём.

– Нет. Он до того тупой, что не догадывается о том, что он тупой. Тут, кто ни приходит, все говорят о его тупости, а он всё такой же важный. Думает – это говорят не о нём.

– Интересно. Интересно. А этот вот круглоголовый толстяк с плотоядной улыбкой и бокалом коньяка, кто он такой? У него такие свежевыбритые щёки, как – будто маэстро сам его побрил.

– Так оно и было. Он его перед каждым сеансом брил. Или во всяком случае добривал. Художник его бреет, а он хохочет. Большой жизнелюб! У него только одна забота: чем будут кормить в вечности. Он уговаривает нас закупить в Москве продуктов прежде чем отправиться в вечность. Поговорите с ним. Он интересно мыслит.

– Простите, вы любите жизнь?

– Да. Я люблю жизнь, особенно после хорошего обеда.

– А что такое жизнь?

– Жизнь – это удовольствие. Удовольствие – это жизнь. Шашлык из самой свежей баранины, вино "Киндзмараули", помидорчики, огурчики, зелень – это жизнь. В жару купаться в Чёрном море и пить зелёный лимонад из фейхоа? Уф! Уф! Это жизнь, потому что жизнь – это удовольствие. А зимой, например, удовольствия совсем другие. Каждое время года требует свои удовольствия. Время года – само подсказывает удовольствие.

– Ещё что вы любите?

– Я холостяк. С приятельницей время провести люблю.

– Молодой?

– Уф! Уф!

– Очень молодой?

– Уф! Уф! Уф!

– Всё понятно. А что вы думаете о вечности?

– Вечность — это такое место, где вечно можно получать удовольствие. Амброзия, нектар и тому подобное, чего в Москве нельзя достать. Так

говорят люди. И ещё я думаю, что вечность — это такое место, где продукты не портятся. Из самого слова можно догадаться, что там продукты не портятся. Там вечно свежие продукты. Такое место!

— Спасибо, вы хорошо объяснили, что такое вечность. Допивайте свой бокал, а я ещё кое-что хочу спросить у ваших любезных соседей. Скажите, пожалуйста, раз уж вы все знаете про своего мастера, почему он в своих натюрмортах так тщательно выписывает каждую вещь: гранат, так гранат со всеми шероховатостями своей поверхности, кувшин, так кувшин со всеми вмятинами, тряпочка тоже красуется каждой ворсинкой своей бахромы и веник выражает готовность приступить к своим обязанностям. В картине нет центра, нет периферии. Или всё центр и всё периферия?

— Да! Он так считает. Он считает, что художество — это любовь. Всё, на что упал любящий взгляд художника, превращается в драгоценность. Пчеле всё равно, откуда доставать нектар, из цветка крапивы или из розы. Пчеле — достать. Художнику — вложить. Тщательно прорисованная ворсинка тряпки превращается в место действия любви и потому приобретает важность.

Если выжать тряпку или классическую шаль написанную художником, то ценность вещи определяются количеством любви, которая из неё вытечет. Так он считает. Но он хитрый, наш мастер. Его тщательность иногда следствие насмешки, иронии. Вы думаете, почему он с таким старанием изобразил свежевыбранные щёки толстяка? Чтобы мы яснее почувствовали — у любителя удовольствий душа обросла волосами. Дремучая душа.

— Очень интересно. А теперь ещё один нескромный вопрос: — Почему вы все так много говорите?

— Мы, армяне, любим поговорить.

— Но среди вас и русских много?

— Они у нас научились.

— Спасибо, я все понял. Теперь давайте помолчим.

Тихо. Звук выключен и включен свет. Девочка вбежала в мастерскую и смотрит в окно на московские крыши. Это, конечно, дочь художника. Свет идёт не из окна в мастерскую, а струится в окно из светящегося личика девочки. Так и должно быть. Не свежесть мира освежает взгляд, а свежесть взгляда освежает мир.

А вот и автопортрет художника. Какая наступательная неподвижность, какой могучий запас устойчивости во всей фигуре! Он словно говорит: я пришёл в этот мир, чтобы сопротивляться распаду. И он чем-то похож на армянского крестьянина прошлых веков, оставившего плуг, чтобы защищать свою землю от янычар. Чтобы победить янычара, надо его переянычарить: Логика борьбы.

Таким я вижу Рудольфа Хачатряна. Как сказал поэт – "мне нравится художник в силе".